

Сексолог в эпоху революции и контрреволюции

И.Б. Фан

Интервью
с И.С. Коном

Фан Ирина Борисовна

кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Игорь Семенович Кон (р. 21.05.1928 г., Ленинград) – видный специалист по философии и методологии истории, истории социологии (основатель и первый президент Исследовательского комитета по истории социологии Всемирной социологической ассоциации), этике, социальной и возрастной психологии, теории личности, антропологии и социологии детства и юности, сексологии. Доктор философских наук (1960), профессор (1963), академик Российской Академии образования (1989), почетный профессор Корнелльского университета (Великобритания, 1989), почетный доктор *honoris causa* университета Суррей (1992). С 1975 г. по настоящее время он является главным научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН. Занимался исследовательской и преподавательской работой в ряде ведущих университетов США и Европы. Автор свыше 40 книг и 500 статей, многие из которых переведены на иностранные языки, в том числе: *Социология личности*. М., 1967; *В поисках себя*. М., 1984; *Психология ранней юности*. - 4 изд. М., 1989; *Подростковая сексуальность на рубеже XXI века*. М., 2004; *Дружба*. -4 изд. М., 2004; *Ребенок и общество*. М., 2003; *Сексуальная культура в России*. -2 изд. М., 2005 и др. И.С. Кон - ответственный редактор ряда коллективных трудов и серийных изданий («Словарь по этике», «Этнография детства» и др.). Член нескольких международных научных сообществ и академий (*International Academy of Sex Research; European*

Association of Experimental Social Psychology; International Sociological Association; Polish Academy of Sex Research; Deutsche Gesellschaft fur Sexualforschung; European Association for Adolescent Psychology и др) и редакционных советов ряда научных журналов («Человек», «Archives of Sexual Behavior», «Zeitschrift fur Sexualforschung», «Journal of Homosexuality», «Journal of the History of Sexuality», «Childhood», «Current Sociology», «Sexualities», «Men and Masculinities»)

- Игорь Семенович, познакомьте читателей, пожалуйста, с какими-то значимыми событиями Ваших детских и юношеских лет.

- Это было так давно... Самым важным событием, которое в какой-то мере завершило мое детство, была война. Она началась, когда мне было 13 лет, и сломала весь привычный уклад жизни. Благодаря маме, которая и работала, и несла все заботы по дому, мне не пришлось бросать учебу. Наоборот, голодная жизнь усиливала тягу к знаниям. В 15 лет я уже стал студентом, это давало рабочую карточку – 600 граммов хлеба вместо 400. Но стимул был, конечно, не материальный, а духовный, я любил учебу. Никогда не читал так много, как в 1941-45 гг. Нельзя было только читать про еду. Я до сих пор помню, как сильно реагировал мой голодный желудок на описания мясной лавки в «Чреве Парижа» Эмиля Золя. С тех пор не люблю натурализма.

- Какие люди и события повлияли на Ваше профессиональное становление?

- Больше всего, конечно, мама. Она внимательно следила за моим развитием, но ничего не навязывала, просто давала нужные книги и предоставляла возможность выбора. Историком я хотел быть с детства, а в студенческие годы

мне помогла дружба с выдающимися историками супругами Люблинскими. Разговоры с ними способствовали выработке профессиональных и нравственных критериев. Уже в институте я узнал о существовании философии, и она меня заинтересовала. Но в этом была опасность верхоглядства и некритического усвоения примитивных идеологических клише, от которых потом нужно было избавляться. В каком-то смысле я всегда был самоучкой. Но учился я не только по книгам. Очень важным для меня было сотрудничество с журналом «Новый мир» А. Твардовского. Если бы не посещение «Орленка» в 1965 г., я бы никогда не занялся юношеской психологией, а мои книги на эту тему не имели большой социальной эффект. Я до сих пор встречаю людей, которые рассказывают, что они на них сильно повлияли. Чрезвычайно важной вехой в моей жизни был спецкурс «Социология личности» в ЛГУ (1964, 1966). Об этом подробно рассказано в статье «О себе и своей работе» в сборнике «Социологическая психология» (1999). Кроме того, у меня были замечательные друзья, на которых можно было положиться. Что же касается начальников и коллег, то, честно говоря, я никогда не обращал на них внимания. Я знал, что живу в отдельно взятой и не самой передовой стране, и старался равняться не на мнения родной Воронежской слободки, а на некий невидимый колледж.

- Игорь Семенович, научная общественность еще в 1980-е годы знала Вас прежде всего как авторитетного социолога, специалиста по теории личности. Как Вы пришли к проблемам сексологии?

- Я занялся проблемами сексологии в известной мере помимо собственной воли. Будучи сам воспитан в пуританском духе, я не собирался эти табу нарушать. Мои личные запросы вполне удовлетворило в 1950-х гг. знакомство со старой классической книгой Теодора Ван де Вельде «Идеальный брак», а в научно-теоретическом плане сексуальность не казалась мне достойным сюжетом. Мои главные научные интересы касались философии и методологии общественных наук, теории личности и, несколько позже, социологии и психологии юношеского возраста. Но все эти три круга вопросов так или иначе заставляли задумываться над проблемами пола и сексуальности.

Занимаясь историей западной социологии, я уже в 1950-х гг. познакомился с трудами Альфреда Кинзи, а затем - интересно же! - и с другими подобными книгами. А если знаешь что-то важное, как не поделиться с другими? Моя первая статья на эти темы «Половая мораль в свете социологии» (1966) была написана по заказу редакции журнала «Советская педагогика». Несколько страниц о сексуальной революции и о психосексуальном развитии человека содержала и книга «Социология личности» (1967). Статья «Секс, общество,

культура» в журнале «Иностранная литература» (1970) была первой и в течение многих лет единственной в СССР попыткой более или менее серьезного обсуждения проблем сексуально-эротической культуры. Тем не менее эти сюжеты были для меня сугубо периферийными, и если бы кто-то сказал мне, что я стану «ведущим советским сексологом», я бы рассмеялся.

Поворот от социологии сексуального поведения к теоретико-методологическим проблемам самой сексологии как междисциплинарной отрасли знания был связан с подготовкой третьего издания Большой Советской Энциклопедии, в которой я был научным консультантом. В 46 томе первого издания БСЭ, вышедшем в 1940 г. была весьма консервативная статья «Половая жизнь», в которой акцент делался на том, чтобы не вызывать «нездоровый интерес» и добиваться «разумного переключения полового влечения в область трудовых и культурных интересов»; заодно сообщалось, что в СССР нет полового вопроса. Ко времени выхода второго издания БСЭ (1955 г.) в СССР не стало уже не только «полового вопроса», но и «половой жизни». В 33 томе Энциклопедии имеется статья «Пол», но она посвящена исключительно биологии, человек в ней даже не упоминается. Стопроцентно медико-биологическими были и все прочие статьи, касавшиеся пола: половое бессилие, половое размножение, половой отбор, половой диморфизм, половой цикл, половые железы, клетки, органы. Единственный социальный сюжет - «Половые преступления». И правильно - чего еще ждать от такой гадости, как пол?

В третьем издании БСЭ, вышедшем в 1970-х годах, «половую жизнь» решили восстановить, но когда мне прислали на просмотр весь блок статей, относящихся к полу, я пришел в ужас. В статье «Пол», написанной видным генетиком В.А. Струнниковым, не оказалось не только ничего социального, но даже и самого человека; все сводилось к генетике пола, в основном на примере шелкопряда, которого плодотворно изучали советские генетики; такие важные для понимания механизмов половой дифференциации дисциплины как эндокринология и эволюционная биология даже не были упомянуты; в списке литературы не было ни одной иностранной книги. Такими же монодисциплинарными были и остальные медико-биологические статьи. В материалах же, которые подготовили педагоги и философы, господствовала привычная морализация. Чтобы спасти положение, заведующие тремя редакциями - философии, биологии и педагогики, просили меня, совместно с Г.С. Васильченко, написать статью «Половая жизнь», в которой необходимо было как-то интегрировать разные подходы. Но где взять дополнительный объем, ведь буква «с» ближе к концу алфавита, а объем издания лимитирован? Заведующие редакциями обратились в главную редакцию, ждали отказа и

даже приготовили на этот случай неотразимый аргумент: поскольку за несколько дней до того был увеличен объем статьи «Одежда», редакторы пошли к начальству под лозунгом: «Зачем одежда, если нет половой жизни?» Но главный редактор согласился и без нажима. В результате статья «Половая жизнь» была расширена, и даже появились отдельные статьи - «Сексология», написанная мною, и «Сексопатология», написанная Г.С. Васильченко. Поскольку эта проблематика давалась на страницах БСЭ впервые, мне пришлось задуматься о месте сексологии среди прочих научных дисциплин и не только медицинских.

В 1976 г. по просьбе ленинградских психиатров и сексопатологов я прочитал в Психоневрологическом Институте имени Бехтерева лекционный курс о юношеской сексуальности, содержащий также ряд соображений общего характера. Лекции вызвали значительный общественный интерес, их направленные стенограммы стали распространяться в самиздате, а известный польский сексолог Казимеж Имелинский заказал мне главу «Историко-этнографические аспекты сексологии» для коллективного труда «Культурная сексология». Посылая ее в цензуру, я очень боялся скандала из-за семантики русского мата: прочитает эти страницы какая-нибудь бдительная цензорша и начнется шум - вот, дескать, чем занимаются эти ученые, да еще за рубеж посылают! Но все обошлось. После этого венгерское партийное (!) издательство имени Кошута, которое переводило все мои книги, заказало мне оригинальную книгу «Культура/сексология». Рукопись получила высокую оценку советских и венгерских рецензентов, была опубликована в 1981 г. и имела в Венгрии огромный читательский успех (там такой литературы тоже было мало). В 1985 г. новый ее вариант - «Введение в сексологию» был издан и сразу же распродан в обеих Германиях.

- Как были встречены Ваши первые работы, учитывая безнадежную ситуацию с исследованием проблем сексологии в советское время?

Вначале я не воспринимал эту работу особенно серьезно, считая ее чисто популяризаторской, каковой она по своему жанру и была. Но в 1979 г. я был приглашен на Пражскую сессию Международной Академии Сексологических исследований, самого престижного международного сообщества в этой области знания, и по недосмотру партийного начальства (подумаешь, Чехословакия!) меня туда, вопреки всем ожиданиям, выпустили. Общение с крупнейшими сексологами мира показало мне, что некоторые мои мысли не совсем тривиальны и интересны также и для профессионалов. Естественно, это актуализировало вопрос о русском издании книги. Поначалу я об этом вовсе не думал, рассчитывая исключительно на самиздат, который действительно стал ее энергично распространять. Молодые психологи давали читать мою рукопись

своим частным клиентам и нашли, что это чтение само по себе дает хороший психотерапевтический эффект.

Все советские рецензенты рукописи, а их было в общей сложности свыше сорока (из-за мультидисциплинарного характера книги мне нужно было апробировать ее у ученых разных специальностей, среди которых были этнографы, социологи, антропологи, психологи, физиологи, сексопатологи, эндокринологи, психиатры и другие), плюс два ученых совета, дружно спрашивали: «А почему это печатается только за границей? Нам это тоже интересно и даже гораздо нужней, чем им!» После того как рукопись беспрепятственно прошла Главлит, я тоже подумал, а в самом деле, почему бы и нет, ведь все «за», никто не возражает? Для социолога моего возраста это была, конечно, непростительная глупость.

В начале 1979 года я предложил уже залитованную и принятую к печати за рубежом рукопись издательству «Медицина», - только оно могло печатать такие «неприличные» вещи. Заявку сразу же отклонили как «непрофильную для издательства». Понимая значение этой работы, дирекция Института этнографии попыталась, при поддержке крупнейших физиологов - академиков Е.М. Крепса и П.В. Симонова, протолкнуть ее в издательство «Наука» под двумя грифами - Института этнографии и Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии, причем Симонов согласился быть ее титульным редактором, под нейтральным названием «Пол и культура». Чтобы не дразнить гусей, я снял, вопреки совету Симонова, главу о гомосексуализме, оставив из нее только самое необходимое, убрал и многое другое. Не помогло! Вопреки обязательному для нее решению редакционно-издательского совета Академии Наук СССР, несмотря на кучу положительных отзывов и личный нажим П.В. Симонова, «Наука» книгу так и не опубликовала. Главный редактор то ли не хотел, то ли боялся ее печатать. 1 января 1984 г. я написал официальное письмо директору Института этнографии академику Ю.В. Бромлею, что прекращаю работу над этой темой и прошу сдать мою рукопись в архив.

Тем временем моя рукопись все шире распространялась в самиздате. Постепенно стали публиковаться и статьи. Первая моя теоретическая сексологическая статья была напечатана в 1981 г. в «Вопросах философии» под заведомо непонятным названием «На стыке наук» (чтобы избежать нежелательной и опасной сенсации). Между прочим, первый вариант статьи редколлегия большинством голосов отклонила. Один академик сказал, что ничего нового и теоретически значимого ни о поле, ни о сексе вообще написать нельзя, как нет и ничего философского в проблеме половых различий, тут все ясно. О филогенетических истоках фаллического культа (в статье приводились данные о ритуале демонстрации эрегированного

полового члена у обезьян) было сказано, что этот материал был бы хорош в отделе сатиры и юмора, но его в журнале, к сожалению, нет. И все это говорили, в общем-то, умные и образованные, хоть и не сексологически, люди; такова была инерция привычных табу. Однако, вопреки правилам, ни один из членов редколлегии не вернул в редакцию рукопись статьи, все понесли ее домой, для просвещения домашних и друзей... Одна ученая дама рассказывала мне потом, что когда рукопись прочитали ее муж-полковник и сын-студент, ей пришлось услышать о себе и своем журнале много неслестного. Следующий раз она голосовала уже не «против», а «за». Усилиями главного редактора В.С. Семенова и ряда членов редколлегии (В.А. Лекторского, В.Ж. Келле, Л.Н. Митрохина и других) исправленная, но не улучшенная статья была напечатана и, вопреки ожиданиям, никакого скандала не вызвала. Из ЦК КПСС позвонили только затем, чтобы попросить прислать им все оставшиеся экземпляры журнала. Там тоже интересовались сексом...

За «Вопросами философии» последовали статьи в «Социологических исследованиях» и «Советской этнографии». Все, разумеется, с трудностями и купюрами (кстати, их делали вовсе не цензоры, а ученые редакторы). Глава о психосексуальном развитии и взаимоотношениях юношей и девушек в моих учебных пособиях для студентов пединститутов и для родителей «Психология юношеского возраста» была написана с совершенно иных позиций, чем книги Хрипковой и Колесова. Но чего все это стоило! Мое интервью в газете «Московский комсомолец» (1984), где впервые в советской массовой печати появилось слово «сексология», носили согласовывать в горком партии. Там сначала думали, что сексология - то же самое, что порнография, но когда журналисты показали им том БСЭ с моей одноименной статьей, не стали возражать. Только удивлялись, *почему эта тема так волнует молодежную газету - ведь в жизни так много интересного...* Все хотели что-нибудь узнать о сексе, но не смели называть вещи своими именами. В одном биологическом институте Академии наук мой доклад назвали «Биолого-эволюционные аспекты сложных форм поведения». Название своего доклада на Всесоюзной школе по биомедицинской кибернетике я даже запомнить не смог - очень уж ученые были там слова. А на семинаре в Союзе кинематографистов моя лекция называлась «Роль марксистско-ленинской философии в развитии научной фантастики!» И никто не понимал, что все это не столько смешно, сколько унижительно. Как будто я показываю порнографические картинки...

Я пробовал обращаться в высокие партийные инстанции. Писали в ЦК КПСС и некоторые мои коллеги. Но аппаратчики, даже те, которые понимали суть дела и хотели, чтобы моя книга была издана, боялись, что их могут заподозрить

в «нездоровых сексуальных интересах». Зато я научился безошибочно отличать ученого на высокой должности от начальника с высокой ученой степенью: ученый, если он понимает значение вопроса, постарается что-то сделать, начальник же, будь он трижды академик, непременно уйдет в кусты. Судя по этому критерию, академики в ЦК КПСС были, а ученых не было.

Когда ситуация с моей книгой приняла уже явно скандальный характер, чтобы задним числом оправдать невыполнение решения академического редсовета, рукопись послали в сектор этики Института философии, с твердым расчетом получить, наконец, отрицательный отзыв, так как, с точки зрения нашей официальной этики, всякая половая жизнь казалась сомнительной. И снова произошла осечка. Институт философии дал на мою книгу положительный отзыв за четыремя подписями, определенно рекомендовал ее напечатать и подчеркнул, что «другого автора по этой теме в стране нет». Однако в порядке привычной перестраховки (по справедливости, все мы, советские обществоведы, должны были бы получать основную зарплату в Главлите, мы, прежде всего, «бдели», а все остальное делали как бы по совместительству) рецензенты (вполне достойные, уважаемые люди) пустились в размышления: на кого рассчитана книга? Если только на специалистов, то можно печатать все, как есть. Но книга-то интересна всем, Кон - весьма читаемый автор, а «некомпетентный читатель» может чего-то не понять. Например, «положение о бисексуальности мозга может сослужить плохую службу половому просвещению в борьбе с половыми извращениями»... Прочитав этот отзыв, я долго смеялся. Следуя этой логике, астрономы должны засекретить факт вращения Земли, чтобы находящиеся в подпитии граждане не могли использовать его для оправдания своего неустойчивого стояния на ногах. Не следует и упоминать, что все люди смертны: во-первых, это грустно, во-вторых, врачи нас тогда совсем лечить перестанут! Тем не менее издательство Академии Наук СССР стало именно на точку зрения предполагаемого «некомпетентного читателя», и рукопись книги была мне возвращена.

После этого я окончательно плюнул на возможность ее советского издания. Но случайно эту историю услышал покойный академик медицины В.М. Жданов. Он не имел никакого отношения к этой тематике и не читал рукописи, но написал письмо директору «Медицины» (там тем временем сменилось руководство). Издательство согласилось пересмотреть прежнее решение. Философский отзыв, который «Наука» сочла отрицательным, для «Медицины» оказался безусловно положительным. Рукопись еще раз отрецензировал Г.С. Васильченко и снова дал на нее положительный отзыв. Я восстановил и дополнил то, что относилось к сексопатологии, добавил и еще

кое-что, необходимое именно врачам. Понимающим людям вряд ли нужно объяснять, что значит четыре раза переписать, без компьютера, толстую книгу, поддерживая ее на уровне мировых стандартов в течение долгих 10 лет! И в 1988 г. «Введение в сексологию» вышло, наконец, в свет. Годом раньше вышел его сокращенный эстонский перевод.

Вначале, чтобы не развратить невинного советского читателя, книгу хотели издать небольшим тиражом, без предварительного объявления и не пуская в открытую продажу. Затем коммерческие соображения заставили увеличить тираж до 200 тысяч, но ни один экземпляр не продавался нормально в магазине, весь тираж был распределен между медицинскими и научными учреждениями по особым спискам. Потом допечатали еще 100 тысяч, а в 1989 г. еще 250 тысяч, итого 550 тысяч, но купить ее все равно можно было только у перекупщиков. Между прочим, она не попала ни в одну библиотеку США, даже в знаменитую Библиотеку Конгресса. «Введение в сексологию» имело хорошую прессу как в СССР, так и за рубежом, и переведено на несколько языков, включая китайский. В средствах массовой информации меня теперь называют не иначе как профессором сексологии или, что еще хуже, сексопатологом, не совсем понимая, что это значит.

В известном смысле я оказался заложником собственной книги. Массовый читатель искал и находил в ней совсем не то, что было важно для автора, и я не имел права уклониться от этой ответственности. Волею случая, я оказался в роли просветителя, и перед лицом этой новой задачи мои собственные научные интересы стали второстепенными. Да, я занимаюсь не своим делом. Но если ни один советский гинеколог никогда не слышал про точку Грефенберга, кто-то должен был о ней рассказать. В новой, популярной книге «Вкус запретного плода» (1992) и ряде газетных статей я даже привел картинку, как ее нащупать. Российские онкологи, конечно, знают, как важен женщинам самоосмотр груди для своевременного обнаружения рака молочных желез. Но поскольку пропаганда этого общедоступного и ничего не стоящего метода в стране не ведется, я привел и такую картинку, и считаю эту страницу самой важной во всей книге. И если русским мальчикам и их родителям никто никогда не объяснял, что нужно мыть головку члена под крайней плотью, это тоже делаю я. Мне смертельно обидно переводить остаток жизни на подобные вещи, но если в стране нет профессионализма, нужна хотя бы элементарная грамотность.

В последующие годы, чтобы как-то повысить уровень отечественной сексуальной культуры, я опубликовал несколько книг научно-популярного характера, включая вузовский учебник сексологии. По предложению доктора С.И. Фомичева я даже открыл собственный веб-сайт <http://www.neuro.net/ru/> sexology (<http://sexology.narod.ru>), где

размещены почти все мои статьи и многие книги. Он стал одним из самых посещаемых научных сайтов отечественного Интернета (с 1998 г. свыше 1,9 млн. посещений).

- Какие из Ваших идей, концепций, книг вызывают у Вас наибольшее удовлетворение?

- Собственные старые книги мне, как правило, не нравятся. Я замечаю в них преимущественно то, что у меня не получилось. Если же говорить об их социальной значимости, то на первое место я бы поставил «Социологию личности» (1967) и примыкающие к ней работы - «В поисках себя» (1984) и др., затем статью «Психология предрассудка» (Новый мир, 1966), книги по психологии юношеского возраста и «Введение в сексологию» (1988). Работа по сексологии ретроспективно вызывает у меня смешанные чувства: сорок лет пытаешься объяснить людям важные и не столь уж сложные вещи - и никакого практического эффекта. Впрочем, это специфика российской жизни... В родных пенатах научное признание, в том числе со стороны медицинских сексологов и урологов, сочетается с нападками и угрозами фундаменталистов, воспринимающих мою деятельность, по выражению авторов одного «Заключения...» о моих работах, «как публичное распространение асоциальных экстремистских взглядов, представляющих опасность для российского общества и государства, провоцирующих социальную и религиозную вражду».

- Расскажите, пожалуйста, о Ваших международных премиях и наградах

- Моя международная известность началась в 1960-х гг. и связана, прежде всего, с проблемами личности. Но тогда меня редко выпускали за рубеж. С 1980-х гг. я преподавал во многих ведущих западных университетах, стал почетным профессором Корнелльского университета (США) и доктором honoris causa университета Суррей (Англия). Мою работу ценили прежде всего за междисциплинарность. В Корнелльском дипломе я представлен как «этнолог, социолог, философ и developmentalist (специалист по развитию человека); неутомимый искатель и коммуникатор знания через границы дисциплин, языка, культуры, политической идеологии и социальных табу, и, прежде всего, – учитель». Я был приглашенным участником ряда всемирных и европейских научных конгрессов и членом редсоветов нескольких международных научных журналов. Институт имени Кинзи в 1990 г. посвятил мне свой коллективный труд «Adolescence and Puberty» «за выдающиеся и смелые научные исследования советской молодежи и сексуальности», а Всемирная сексологическая ассоциация в 2004 г. удостоила Золотой медали «за выдающийся вклад в сексологию и сексуальное здоровье».

- Как Вы оцениваете современное состояние сексологии?

- На мировом уровне главным тормозом развития науки является религиозный фундаментализм, пытающийся возродить старые запреты на сексуальный дискурс. Эти тенденции очень сильны и в России. Кроме того, у нас плохо с профессионализмом. Отечественная медицинская сексология сильно отстает от мирового уровня. Наиболее интересными у нас являются качественные исследования сексуальных сценариев, с использованием биографического метода и т.д. Лучший пример такого рода – сборник «В поисках сексуальности» (2002). Однако отсутствие средств и дисциплинарная разобщенность сильно тормозят прогресс науки. На повседневную жизнь сексология практически не влияет, до молодых людей даже элементарные знания не доходят. Это одна из причин ужасающей статистики аборт, ВИЧ-инфекции и заболеваний, передаваемых половым путем.

- Продолжается ли в настоящее время сексуальная революция? Есть ли в этом процессе в России какая-то специфика?

- Сексуальная революция XX в. была, прежде всего, женской революцией, она обусловлена изменениями гендерного порядка. Идея равенства полов и обязанностей мужчин и женщин в постели производна от экономической независимости женщин. Равенству способствует также женская гормональная контрацепция, которая освобождает женщин от привычных репродуктивных страхов и потенциально изменяет соотношение мужской и женской власти в вопросах репродукции. Сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия показывает повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике т.д.

На Западе отрицательная работа сексуальной революции в основном завершена. Сейчас идет сложный и медленный процесс выработки положительных ценностей под двумя главными лозунгами - безопасного секса и ответственного секса, включая гендерное равенство. Тенденция к выравниванию гендерных различий в сфере сексуальных ценностей и поведения существует в России, но она выражена значительно слабее, чем на Западе, особенно в Скандинавских странах.

Общее направление и главные тенденции развития российской сексуальной культуры во второй половине XX в. те же, что и на Западе, поскольку в основе этих изменений лежат одни и те же глобальные процессы, но есть между ними и существенные различия.

Во-первых, эти изменения происходят со значительным отставанием во времени – в среднем на 10-15 лет. Интересные данные по разным проявлениям сексуальной революции

в Финляндии и России приводит А. Роткирх. Например, у финских женщин значительное увеличение числа сексуальных партнеров приходится на когорту 1946-1950 гг. рождения, а у ленинградонок – на поколение 1956-1960 гг.

Во-вторых, в российской и финской сексуальной революции наблюдается разное соотношение поведенческих и идеологических дискурсивных компонентов. На Западе сдвигам в сексуальном поведении уже в 1960-е гг. предшествовали публичные споры и дискуссии, так что «публичная идеология сексуальности изменилась раньше, чем сексуальная практика». В авторитарном Советском Союзе, наоборот, сначала произошли поведенческие сдвиги «под ковром», и только десять лет спустя, одновременно с гласностью, последовало их публичное признание.

В конце 1970-х годов многие россияне жили так, как если бы сексуальная революция уже произошла, но ее артикуляция, прежде всего публичная (в СМИ), отчасти и приватная (между сексуальными партнерами), началась позже, т.е. изменения сексуальных практик намного опережают изменения в публичной идеологии сексуальности, которые происходят только сейчас.

В-третьих, в России значительно сильнее, чем на Западе, сохраняется двойной стандарт и связанные с ним поведенческие различия. Почти по всем нормативным установкам (возраст сексуального дебюта, добрачные и внебрачные связи, число партнеров, проявление инициативы в сексуальных отношениях и т.д.) россияне исповедуют двойной стандарт. Соответствующие различия проявляются в их сексуальном поведении. Хотя по всем этим вопросам молодежь либеральнее старших поколений, установки и поведение россиян отличаются от того, что считается нормальным в Финляндии. Одни женщины искренне принимают традиционные – мужские! – правила сексуальной игры, считая их «естественными» законами природы или Бога, другие же вынуждены притворяться. Характерный пример – притворное сопротивление, когда женщина хочет вступить в сексуальную связь, но не смеет в этом признаться. Такое поведение, в основе которого лежат древние нормы, бытует практически везде, но в России, где традиционные гендерные стереотипы сильнее, оно встречается чаще, чем на Западе. Если применить к двойному стандарту общую логику развития российской сексуальной культуры – сначала изменяется поведение и только много времени спустя это начинают признавать – можно предположить, что «ненормативное» (по традиционному канону) сексуальное поведение уже сейчас распространено среди российских женщин гораздо больше, чем они это признают.

А. Роткирх в докладе «Секс в постсоциалистическом городе: почему сексуальный либерализм и гендерное равенство не идут рука об руку?» интерпретирует специфику развития

российской сексуальной культуры следующим образом. По ее мнению, либерализм (в том числе сексуальный) и гендерное равенство – взаимосвязанные, но автономные процессы, которые можно рассматривать в трех взаимодополнительных ракурсах.

В социально-экономическом плане западная сексуальная революция 1960-1970-х годов совпала с 1) общим улучшением положения прав женщин (распространение контрацепции, права на аборт, расширение политических и экономических прав, вторая волна феминизма), 2) наличием общей вертикальной социальной мобильности, 3) общим повышением общественного благосостояния.

Сексуальная революция в России (1980-1990) совпала с отсутствием заметных изменений в правах женщин, отсутствием общей вертикальной мобильности, умеренным ростом или даже полным отсутствием роста общественного благосостояния и с драматической социальной поляризацией. Отсюда – крайне болезненное протекание и непоследовательность сексуальной либерализации, особенно в том, что касается женщин (фактическое уменьшение женских прав, рост проституции, коммерциализация секса и т.д.).

В свете феминистской перспективы «сексуальное освобождение» в России происходит по мужской программе, когда сексуальная свобода сводится к праву сказать «нет», а выросшие нормативные ожидания остаются неосуществленными. Поэтому особенно популярным становится рыночный сценарий сексуального поведения, где мужчина выступает в роли спонсора, а женщина – в роли получателя и содержанки.

С точки зрения эволюции структуры семьи после 1917 г. Россия, по мнению Роткирх, совершила прыжок из одной крайности в другую, - от большой патрилинейной и патриархальной семьи к позднесоветской малой семье с одним ребенком, в которой патриархальное мировоззрение (муж – глава семьи) сочетается с тем, что контроль за семейной экономикой и репродукцией фактически принадлежит женщине.

В XXI в. российская семья развивается в разных классах в разных направлениях. Для высшего класса характерно возвращение к патрилинейной и патриархальной системе с мужчиной в роли главного кормильца; средний класс продолжает советскую структуру с двумя добытчиками, причем, женщина имеет большое влияние на все семейные решения; в низших классах происходит маргинализация мужчин, вытеснение их на вспомогательные позиции, а главную ответственность за семью принимает на себя женщина.

Некоторые суждения Роткирх кажутся спорными. Поскольку социальная стратификация российского общества находится в процессе становления, четко сформулировать тенденции развития структуры семьи и семейного климата у разных классов трудно.

В сфере сексуальных отношений и ценностей многое зависит не столько от социально-структурных, сколько от культурно-символических факторов. Тем не менее, указание на зависимость сексуальной культуры от гендерных отношений и на автономию последних от социально-экономических процессов кажется мне весьма плодотворным, особенно в современных условиях, где любят говорить о «мужчинах», «женщинах», «сексуальности» и «морали» вообще, не понимая, что это ложь и лицемерие.

Вопреки расхожим представлениям, семья не столько разрушается, сколько видоизменяется. Как и во всех остальных сферах жизни, на первый план здесь выходят качественные показатели. Важна не столько продолжительность брачного союза, сколько его качество, насколько он обеспечивает субъективное благополучие супругов и их детей. Это требует вдумчивого профессионального анализа и индивидуального подхода к семейным проблемам.

Многие «спасатели» семьи реальных проблем и тенденций развития не понимают и апеллируют преимущественно к административным мерам, которые заведомо неэффективны. К тому же, в последние годы под лозунгами возвращения к воображаемому целомудренному прошлому в России развертывается сексуальная контрреволюция. Печальные результаты этого рассматриваются в моей новой книге «Сексуальная культура в России».

- Что Вы подразумеваете под сексуальной контрреволюцией?

После нескольких безуспешных попыток организации полового просвещения молодежи, предпринятых в 1980-1990-е годы различными учреждениями (общественными, научными объединениями, Министерством образования РФ), в целом поддерживаемых обществом, но не обеспеченных достаточными финансовыми и профессиональными кадровыми ресурсами, в стране был развернут крестовый поход против сексуального образования. На Западе такой поход инициировали организации, действовавшие по рецептам и под эгидой американских ультраправых организаций, протестантских и католических фундаменталистов, в частности, международное движение ProLife. Под предлогом борьбы «за жизнь» и против абортов оно ведет широкую атаку против всех демократических институтов и гражданских прав, требует запретить не только аборты, но и контрацепцию, сексуальное просвещение, продленный день и завтраки в школе, которые, по их мнению, ослабляют влияние родителей.

Для ProLife характерен воинствующий антикоммунизм и желание любой ценой сохранить традиционную классовую, расовую и гендерную иерархию в семье и обществе. Этот нечестивый союз ханжей и террористов располагает огромными средствами и ведет антидемократическую

пропаганду по всему миру, включая Россию, рьяно атакуя репродуктивные права женщин, планирование семьи и сексуальное просвещение.

Их примитивная идеология не имеет в России широкой поддержки: опыт тотального контроля над личностью, включая запрет аборт, еще свеж в памяти россиян. Осуждать одновременно и аборт, и контрацепцию – значит практически призывать к отказу от сексуальной жизни в браке. Каждая здоровая супружеская пара, не контролирующая рождаемость в семье, будет при нормальном ритме половой жизни иметь по 10-15 детей. Кто и как их будет содержать? Выступать с подобной проповедью открыто невозможно – засмеют. Гораздо более удобной мишенью оказался проект полового воспитания школьников. Атака началась в декабре 1996 г. из единого центра и по единому плану докладом сопредседателя некоего «Фонда социально-психического здоровья семьи и ребенка» И.Я. Медведевой и Т.Л. Шишовой в Комитете по безопасности Государственной думы, хотя, по свидетельству прессы, в таком комитете этих дам не знают, и докладов они не делали.

Документ этот – редкая смесь невежества, фальсификации и переворачивания причинно-следственных связей. Если верить докладу, абсолютно все беды Запада есть последствия сексуального просвещения. Вопреки общеизвестному факту, что гормональная контрацепция снижает вероятность раковых заболеваний у женщин, Медведева и Шишова утверждают, что пилюли канцерогенны. «Телесно ориентированной» западной культуре они противопоставляют православную аскезу, не учитывая противоречивости обоих архетипов. Их ссылка на «анархическое начало» русского эроса выглядит как аргумент в пользу невозможности в России либерализма и демократии. Предсказывая, что сексуальное просвещение неминуемо приведет Россию к депопуляции, краху государственности и прочему Апокалипсису, доклад величественно заканчивается словами: «Итак, мы предупредили».

«Предупреждение», как по команде, стало тиражироваться разными газетами, дополняясь все более фантастическими подробностями о подрывной сексуально-просветительской деятельности западных спецслужб и т.п. Газеты запестрели заголовками типа «Занятия сексом в школьном расписании», «РАПСодия по чужой партитуре», «Куклы или презерватив?» и т.п. Газета «Правда пять» превратила лозунг РАПС «Рождение здоровых и желанных детей, ответственное родительство» в лозунг «Один ребенок в семье».

К этой идеологической кампании присоединились деятели Русской православной церкви. В определении Архиерейского собора (12-23.02.1997 г.), главным объектом критики стало «введение в ряде школ предмета полового воспитания», которое «может радикально изменить к худшему нравственную атмосферу в обществе,

нанести ущерб целостности человеческой личности, особенно в детском и юношеском возрасте».

Озабоченность церкви состоянием общественной нравственности понятна, но нравственное воспитание не исключает сексуального (как и всякого иного) образования. Большинство священников РПЦ настроены ультраконсервативно. Примером может служить позиция отца Максима Обухова, заявившего, что «использование противозачаточных средств является смертным грехом, равнозначным убийству», а РАПС (Российская ассоциация «Планирование семьи») «есть антихристианское образование, поставившее своей целью разрушение семьи в нашем Отечестве».

По убеждению авторов книги «Православный брак и страсть блуда» О. Соловьева и Е. Шишимарова, подростков нужно оберегать не только от «дьявольской» науки сексологии, но и от классической русской литературы и любого искусства. Чтобы изжить самостоятельность и тягу к культуре, родителям усиленно рекомендуют как можно чаще и сильнее пороть своих детей, особенно девочек. Главная опасность для человечества – гомосексуальность. Авторы книги характеризуют целый ряд профессий как «профессии группы риска», с точки зрения половых отклонений, кроме сексологов, это психиатры, экстрасенсы, просто врачи, педагоги, журналисты, писатели, особенно детские, музыканты, художники, фотографы, артисты, режиссеры... (Странно, что в этом списке отсутствуют монахи и священники).

К церковникам и прессе сразу же присоединилось коммунистическое большинство Государственной думы. Депутаты квалифицировали план введения в России сексуального просвещения как угрозу «национальной безопасности» и следствие подрывной деятельности западных спецслужб. Генеральную прокуратуру вынудили начать формальное расследование, в ходе которого сексологический вопросник, направленный на выяснение того, что школьники знают об анатомии, физиологии и психологии сексуальности, пытались квалифицировать как «развратные действия» и «своращение несовершеннолетних». Уголовное дело против инициаторов проекта полового просвещения в школе, включающего социологические исследования, возбудить не удалось, но частное определение обязывало Минобразование тщательнее контролировать проводящиеся опросы. Руководители и работники Минобразования, директора школ были напуганы. С тех пор о сексуальном образовании вообще забыли.

Консервативную позицию заняла и официальная педагогическая наука в лице Российской академии образования (РАО), которая как преемница бывшей Академии педагогических наук несет прямую ответственность за многолетнее отставание страны в деле сексуального просвещения. При обсуждении этих вопросов на круглом столе и Президиуме

РАО весной 1997 г. в выступлениях большинства академиков преобладала апелляция к православной морали и «национальным нравственно-этическим представлениям и традициям народов России», что выявило их нежелание и неспособность смотреть фактам в глаза. Реализация обсуждаемого проекта ЮНЕСКО была приостановлена. Президиум РАО поставил задачу «выявления оптимальных форм и методов нравственного воспитания школьников, включающего элементы полового воспитания» (оппортунистическая формулировка начала 1960-х годов, в 1980-е уже вводили курс этики и психологии семейной жизни). Я выступал на этих заседаниях, но общее неконструктивное обсуждение темы переломить было невозможно. О своей позиции по отношению к принятым решениям я написал в письме к тогдашнему вице-президенту РАО В.В. Давыдову, опубликовал ряд остро критических статей о состоянии нашей сексуальной культуры. С тех пор ни РАО, ни Минобразования по этим вопросам ко мне не обращались. Прошедшее время подтвердило мою правоту. В последних программных документах РАО, даже специально посвященных здоровью подростков, сексуальное просвещение вообще не упоминается. В условиях эпидемии ВИЧ и ЗППП это молчание выглядит, мягко говоря, странным.

В крестовом походе против сексуального просвещения активное участие приняли и некоторые демократические издания. Вместо конструктивной критики и анализа начатого было проекта народу доказывалось, что сексуальное образование – злодейский заговор западных спецслужб или, в лучшем случае, фармацевтических фирм и т.п. Эта кампания в прессе и электронных СМИ продолжается. Раскололось под огнем идеологической критики и медицинское сообщество. В 1997 г. Министерство здравоохранения и ведущие ученые в области гинекологии, педиатрии и смежных дисциплин единодушно выступили в защиту программы планирования семьи и сексуального просвещения. А в январе 1999 г. «Медицинская газета» опубликовала открытое письмо министру образования группы врачей, педагогов и священников, направленное против сексуального просвещения.

В Интернете идет оголтелая кампания против сексуального просвещения. В одном обращении говорится о том, что главную опасность для российских детей и их родителей представляют не аборт, СПИД и сифилис, а Международная федерация планирования семьи, «выражающая интересы производителей противозачаточных средств», и Фонд народонаселения ООН, «ставящий своей целью снизить численность населения во всем мире, в том числе в России. Это необходимо индустриально развитым странам Запада и США для установления контроля за природными ресурсами планеты». Родителей учат, как сопротивляться сексуальному просвещению,

вплоть до запрета детям посещать школу, сообщают, что презервативы не помогают ни от СПИДа, ни от беременности, что единственное и лучшее средство от всех опасностей – православная мораль.

Сюда же надо отнести и попытки восстановить в стране репрессивное антигомосексуальное законодательство, и политизацию расширительно трактуемого понятия порнографии, и обвинения в порнографии В. Сорокина со стороны пропрезидентской молодежной организации «Идущие вместе», и многое другое.

Между тем, необходимость полового просвещения обусловлена огромным разрывом между сексуальным поведением российских подростков, которое принадлежит XXI в. (снижение возраста сексуального дебюта, рост сексуальной активности подростков и т.д.), и их сексуальной культурой, которая остается на уровне 1950 годов. Это создает серьезные проблемы медицинского и социального характера как для самих подростков, так и для общества – снижение репродуктивной функции женщин в результате ранних абортов, распространение СПИДа и заболеваний, передающихся половым путем (ЗППП), распространение детской проституции и множество других.

Безусловно, качество полового просвещения – важная задача, не решенная пока в России. Но, как говорит Станислав Лем, «...от недостаточного и потому дурно используемого знания есть лишь одна защита - знание более полное». Сексуальное образование, как и всякое другое, приносит только пользу. Опасаться нужно воинствующего невежества и непрофессионализма. На этот случай у меня есть такой девиз: «И не оспаривай глупца!»

- Какие настроения и установки в нашем обществе Вы считаете самыми опасными? Есть ли связь между сексуальной контрреволюцией и политикой?

- Опасны сексофобия и «интеллектуальный» фашизм. Философ и публицист Александр Дугин современные открытые отношения полов считает «животными», противопоставляя принципу равенства мужчин и женщин культ фаллокрации и мужского господства. Борьбу с «сексуальной либерализацией и сексуальной революцией в обществе» он ведет с позиций своеобразно понятых геополитических интересов русского народа. В качестве пути реализации своего главного принципа – «нация – все, индивидуум – ничто» – Дугин предлагает опору на «имперостроительный комплекс» как «высшую форму планетарной эротики» и «тотальное воцерковление русских и превращение всех культурных институтов в продолжение церкви» и т.п. Истоки этих геополитических и культурологических построений восходят к расизму и нацизму.

«Сексуальная контрреволюция» - факт не столько сексуальной, сколько политической культуры

общества. Это всего лишь одно из звеньев борьбы за восстановление в России тоталитарного строя. Она имеет глубокие социально-политические причины. Слишком высокая цена экономических реформ, резкая поляризация общества, распад империи и потеря статуса сверхдержавы закономерно вызвали волну традиционализма и реваншизма.

В годы либеральных реформ российское государство стало все чаще восприниматься как закрытое акционерное общество коррумпированных чиновников, олигархов и воров в законе. Ему остро нужны были моральное освящение и «национальная идея». Когда бюрократические поиски в этом направлении оказались безуспешными, вспомнили уваровские Православие, Самодержавие и Народность. Слабое государство нуждалось в поддержке церкви как наиболее традиционного и уважаемого идеологического института.

В обмен на поддержку державных устремлений власти РПЦ, в течение столетий бывшая официальной государственной церковью, смогла занять место прежнего коммунистического агитпропа. Особенно глубоко она укоренилась в силовых структурах. Государственная религия принципиально несозвучна XXI в. В долгосрочной перспективе присвоение властных функций и вовлечение церкви в политику подрывает религию значительно успешнее, чем советский государственный атеизм.

Серьезной оппозиции клерикализму в стране нет. Политическому либерализму противостоит консолидированное чиновничество, он не имеет реальной опоры в массах. В результате образовался широкий фронт совершенно разных людей, уверенных, что «неправильный» путь развития нужно повернуть вспять. Куда – неважно.

Ведущие представители либеральной и демократической интеллигенции, в руках которых в 1990-х годах находились многие СМИ, считали сексуальную культуру чем-то второстепенным, не понимая ее связи с большой политикой. Единственной политической группой, которая активно поддержала сексуальное образование и репродуктивные права женщин, была парламентская фракция «Женщины России» во главе с Е. Лаховой. Ни демократическое «Яблоко», ни либеральный СПС не заняли четкой политической позиции в вопросах сексуальной культуры. «Больно тема какая-то склизкая, не марксистская, ох, не марксистская» (А. Галич).

Непоследовательной была и позиция демократических СМИ. Развлекательные программы и бесчисленные ток-шоу сексуально-педагогических задач не решали и решить не могли. Российским либералам и демократам конца XX в. оказалось непонятным и безразличным, что сексуальность – важная часть национальной культуры и что от нее во многом зависит состояние здоровья населения. Поэтому они охотно отдали эту, как оказалось, козырную карту коммунистам

и церковникам, которые успешно использовали ее в борьбе против демократии и либерализма.

В отличие от сексуальной революции, которая изменила поведение и психику людей, сексуальная контрреволюция верхушечна, она разворачивается лишь в сфере официально санкционированного дискурса. На реальное поведение антисексуальные кампании и инвективы практически не влияют. Как и государство, РПЦ предлагает защищать семью, материнство и детство не столько духовными, сколько административными и фискальными мерами. В январе 2005 г. православные деятели предложили не только запретить аборт и сексуальное просвещение, но и ввести налог на безбрачие, начиная с 25 лет (интересно, будут ли его платить монахи), и налог на бездетность. В борьбе государства, требующего от своих граждан репродукции и не признающего их сексуальных прав, против общества, которое явно предпочитает секс деторождению, победителя не будет.

Битвы с сексуальностью ни один политический режим никогда не выигрывал, тем более это невозможно в XXI в. Но и народу такая победа не принесет пользы. Продолжение нынешней сексуальной политики (точнее, заменяющей ее антисексуальной истерии) в сочетании с другими неблагоприятными условиями (низкий уровень жизни, низкая рождаемость, высокая детская смертность, низкая культура здоровья и особенно традиционная нечувствительность россиян к факторам социального и личного риска и угрозы смерти) только увеличивает вероятность физического вымирания и деградации страны. Нельзя во имя ложно понятых национальных интересов и моральных принципов пренебрегать здоровьем и благополучием собственных детей!

- Какова степень реальной власти секса (пола) в политической жизни российского общества?

- О чем речь – о гендере или о сексуальности? Первый фактор у нас сильно недооценивают, авторой, особенно гомосексуальность, мифологизирован шоу-бизнесом. В советское время партаппаратчики искали повсюду скрытых евреев, а сегодня вся страна старательно подтверждает старые слова Венедикта Ерофеева: «У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм». Сведение социально-политических проблем к сексуальным вызывает у меня чувство брезгливости. Тем более, что за ним стоит явный политический расчет. Негативная идентичность нуждается в образе врага.

- Как антисексуальная компания, развязанная в России в последние годы, отразилась лично на Вас?

- Я тоже стал объектом яростных нападок. 30 января 2001 г. во время публичной лекции «Мужчины в меняющемся мире» в лектории МГУ, заранее организованная группа из 20 или 30 бандитского вида молодчиков, вооруженных антигомосексуальными плакатами и дымовыми

шашками, устроила настоящую фашистскую акцию, с шумовыми эффектами, швырянием торта, распылением дыма и т.п. Весь этот шабаш снимали приглашенные его участниками фотографы. Сорвать лекцию хулиганам не удалось, один из них был даже задержан милицией, но никакого следствия проведено не было.

Через несколько дней, когда я работал дома, мне позвонил начальник районного угрозыска и сказал, что им сообщили о предстоящем взрыве и что под моей дверью лежит подозрительный сверток, поэтому до приезда розыскной собаки советовал не подходить к дверям. Кинологи определили, что это был лишь муляж взрывного устройства. Кроме того, на моей двери была намалевана звезда Давида, а на стене «дьявольское» число «666». Потом позвонил анонимный «доброжелатель», который был полностью в курсе того, чем и как сделаны надписи на стене, и сказал, что я не должен заниматься сексуальным просвещением детей, иначе меня ждет жестокое убийство.

Информация об этом появилась в Интернете, «Московском комсомольце» и «Петербургском часе пика». Заметка в «МК» называлась «Тортом по сексу», а питерский еженедельник вынес на первую полосу лозунг «Бей академиков, спасай Россию!» Снимки моей разукрашенной стены появились на экране ТВ, а затем и на страницах нескольких крупных европейских газет. Стали звонить встревоженные друзья и коллеги, чтобы поддержать мое гражданское мужество и посоветовать беречься. Милиция реагировала по формуле: вот убьют, тогда будем разбираться... Поскольку человеческая жизнь в Москве ничего не стоит (в тот год беспричинно убили нескольких видных ученых, и ни одного преступника так и не нашли), ни тревожиться, ни беречься я не стал, а спокойно продолжал работать.

Тогда меня стали травить иначе. В мае 2002 г. на одном из православных сайтов в Интернете, а затем и в печати появилось объемистое (74 страницы, тираж 5000 экземпляров) «Заключение по содержанию, направленности, фактическому содержанию публикаций академика И.С. Кона», подписанное неизвестными мне профессорами М.Н. Кузнецовым, В.Ю. Троицким и А.А. Прозоровым, утверждающими, что все работы означенного академика никакого отношения к науке не имеют, а сам он просто коммунистический пропагандист, «этнокультурный содомит» и враг всего человечества, который занимается пропагандой половых извращений, распущенности и вседозволенности, что должно привлечь внимание правоохранительных органов. В этой брошюре, которую мне купили из-под полы за 30 руб. в моем собственном институте, говорилось: «В целом публичную деятельность И.С. Кона, по существу, можно считать активно ведущейся информационно-психологической войной, преступной деятельностью, направленной против

детей и молодежи, против традиционных духовных ценностей России, против общественной морали и важнейших социальных институтов в российском обществе».

На общем собрании РАО распространялась листовка «Их разыскивает милиция» с моим портретом как человека, который был руководителем подрывного проекта сексуального просвещения (читай – развращения) российских школьников и т.п. На телевизионном ток-шоу С. Сорокиной председательница комитета по здравоохранению Мосгордумы Л. Стебенкова обвинила меня в связях с сексиндустрией. А после того как я, поддержав введение законов, запрещающих производство и распространение детской порнографии, одновременно высказался против повышения легального возраста согласия, считая, что это не повысит сексуальную безопасность подростков, но будет способствовать росту коррупции правоохранительных органов, меня стали заодно называть педофилом (или защитником педофилов).

Впрочем, я оказался в очень хорошем обществе. В последнем опусе И. Медведевой и Т. Шишовой «Оргия гуманизма» к числу врагов народа причислен Нобелевский лауреат по физике академик В.Л. Гинзбург, который выступает против клерикализации российского образования и вдобавок подписал «Гуманистический манифест – 2000». Анафеме предается и бессменный ведущий телепередачи «Очевидное – невероятное» профессор С.П. Капица, осмелившийся пригласить меня для обсуждения проблем сексуальной революции XX в. и поддержавший необходимость сексуального образования школьников, а заодно и другие российские «подписанты», включая нескольких академиков и нобелевских лауреатов.

- Среди постструктуралистов принят тезис о необходимости «уничтожения бинарностей в культуре через десекуализацию общества». Ваше отношение к этому призыву?

- Не уверен, что понимаю эту фразу. На мой взгляд, никто не стремится уничтожить бинарные оппозиции. Просто мы понимаем, что мир многоцветен, и голубое и розовое не являются модальностями черного и белого. Это верно и относительно гендерных свойств. Не нужно уподоблять культуру прокрустову ложу. Этот образ никогда не был положительным.

- Нарастают какие-то глобальные сдвиги в отношениях мужчины и женщины, в том числе и в России. На какие образы женственности и мужественности должно ориентироваться образование и воспитание?

- Ослабление поляризации мужского и женского начал выдвигает на первый план индивидуальные различия. Никаких универсальных образов мужественности и женственности не существует. Образование и воспитание должно исходить из того, что гендерные различия текучи и изменчивы,

каждый человек имеет право реализоваться так, как ему лучше и удобнее. Собственно, именно этими проблемами, на мужском материале, я и занимаюсь с 1999 г. Проект называется «Мужчина в меняющемся мире» и реализуется в серии книг. Первая из них «Мужское тело в истории культуры» опубликована в 2003 г. Сейчас я занят книгой «Мальчик – отец мужчины» (особенности развития

и социализации мальчиков) и одновременно собираю материалы по социально-педагогическим аспектам отцовства. Эта ипостась маскулинности особенно интересна, в том числе, с практической точки зрения. Образы и образа могут быть прекрасными, но для ученого главный вопрос состоит в том, чему они соответствуют и как они соотносятся с реальной жизнью.

СЕКСУАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ - АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

И.С. Кон

Кон Игорь Семенович
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института этнологии и антропологии
РАН, академик РАО

Очередной 17-й Всемирный сексологический конгресс (Монреаль 10-15 июля 2005 г), посвященный теме «Единство в многообразии», был очень содержательным и представительным. Он также решил переименовать Всемирную сексологическую ассоциацию во Всемирную ассоциацию сексуального здоровья и принял Монреальскую Декларацию «Сексуальное здоровье для Тысячелетия».

Ниже следует ее перевод.

«Мы, участники 17-го Всемирного конгресса по сексологии, утверждаем нашу приверженность миссии Всемирной Ассоциации сексуального здоровья (ХВА8) обеспечивать сексуальное здоровье на протяжении всей жизни. Мы также подтверждаем принятую ХВА8 Декларацию Сексуальных Прав (1999 г.), рекомендации отчета

Пан-Американской Организации Здоровья ХВА8 «Обеспечение сексуального здоровья: рекомендации к действиям» (2000 г.) и принятые Всемирной организацией здравоохранения рабочие определения сексуального здоровья и сексуальных прав (2002 г.) Принимая во внимание острую необходимость коллективных действий ради достижения необходимого уровня здоровья и реализации целей и задач, зафиксированных международными соглашениями, включая Декларацию Тысячелетия, **мы провозглашаем, что:**

Поддержание сексуального здоровья является центральным звеном достижения счастья и благополучия, обеспечения стабильного развития и, более конкретно, реализации задач развития в текущем тысячелетии. Благополучные индивиды и сообщества лучше приспособлены к тому, чтобы способствовать искоренению индивидуальной и общественной бедности. Питая индивидуальную и социальную ответственность и равное социальное взаимодействие, сексуальное здоровье улучшает качество жизни и способствует достижению мира. Поэтому мы призываем все правительства, международные организации, частный сектор, научные учреждения и общество в целом, и в особенности - всех членов организаций Всемирной ассоциации сексуального здоровья:

1. Признавать, поддерживать, обеспечивать и охранять сексуальные права для всех.

Сексуальные права - интегральный компонент фундаментальных прав человека, поэтому они являются неотчуждаемыми и всеобщими. Сексуальное здоровье не может быть достигнуто и обеспечено без сексуальных прав для всех.

2. Развивать гендерное равенство.

Сексуальное здоровье требует гендерного равенства и уважения. Связанные с гендером неравенства и дисбалансы власти препятствуют конструктивным и гармоничным человеческим взаимодействиям и тем самым - достижению сексуального здоровья.

3. Устранять все формы сексуального насилия и злоупотребления. Сексуальное здоровье не может